

Чжан Сюэфэн

*доктор исторических наук,
доцент Экономического института
Тяньцзинского педагогического университета
КНР*

Россия и Китай: выбор языка межгосударственного общения (конец династии Мин – начало династии Цин)

Одной из главных проблем, возникших на раннем этапе взаимодействия между Китаем и Россией, стала проблема выбора языка межгосударственного общения, отсутствие которого приводило к невозможности развития мирных отношений между двумя странами.

После подписания Нерчинского договора в условиях все расширяющихся связей языками межгосударственного общения первоначально являлись латинский и монгольский. Однако использование этих языков не давало развиваться межгосударственным отношениям на должном уровне, поэтому правительства Китая и России пришли к осознанию необходимости иметь квалифицированных переводчиков с русского на китайский и с китайского на русский. В Китае было создано специальное ведомство по изучению России, а в России открылся Институт монгольского языка. Но воспитание кадров – процесс длительный, поэтому в период, когда не было еще достойных переводчиков, латинский язык оставался основным языком межгосударственных коммуникаций.

1. Упущенные возможности

В конце правления династии Мин Российское государство упустило возможность развития торговых отношений с Китаем из-за незнания китайского языка и письменности.

В конце XVI в., с постепенным продвижением царской России на восток за Урал, интерес русских к Китаю рос с каждым днем. В начале XVII в. после долгих поисков путей в Китай русские, наконец, успешно достигли столицы династии Мин. В 1619 г. в Пекин прибыл Иван Петлин с приветствием от русского царя, но по причине того, что у посланника

не было ни официального письма, ни подношений и подарков, минское правительство отказалось принять делегацию. Тем не менее верительную грамоту И. Петлин получил¹. В этом документе минский император выразил желание установить торговые отношения с Россией и обмен делегациями, а также высказывал надежду, что после возвращения И. Петлина российский правитель отправит в Китай уже официальную делегацию для ведения переговоров.

Помимо большого расстояния между нашими странами и различий в языке еще одной проблемой являлось то, что китайский император не мог покидать пределы своей страны и запрещал своим поданным свободно выезжать из Китая. Но китайское правительство в принципе было готово к отправке посольства в Россию, при условии, что дороги будут хорошо разведаны.

И. Петлин вернулся с грамотой в Россию, но никто так и не смог перевести и прочесть этот документ, в связи с чем возможность развития двусторонних отношений была отложена.

В 1641–1642 гг. казак Емельян Вершинин с товарищами прибыл в Синин для ведения торговли и также получил верительную грамоту от императора Китая. В документе император Чунчжэнь выражал сожаление, что с началом его правления русско-китайские отношения прекратились, и высказывал надежду, что российская делегация вновь посетит Китай, где ее встретят на высочайшем уровне². Как и в прошлый раз, грамота в России не была прочитана. Только в 1676 г., в период деятельности посольства во главе с Николаем Спафарием, был сделан перевод этой грамоты на латинский язык.

С приходом к власти в Китае династии Цин китайское правительство всеми силами стремилось поддерживать отношения с Россией. Императоры Шуньчжи и Канси выражали намерения о сотрудничестве. Но российское правительство, воспользовавшись тем, что в Китае произошла смена династии и «северные вассальные территории» оказались без должного контроля, незамедлительно стало осуществлять захват китайской территории.

По причине того, что на обширной территории Сибири население было небольшим, экономика отсталой, транспортная связь с европейской

---

¹ Советский институт Дальнего Востока: «Семнадцатый век в отношениях России с Китаем» — том I, первая книга, 97-я страница, издательство Книжного магазина 1978 года — Пекин.

² Бентли Карпентер: «Семнадцатый век в отношениях России с Китаем» — том I, 21-я страница. Советский институт Дальнего Востока: «Семнадцатый век в отношениях России с Китаем» — том I, третья книга, 617-я страница, издательство Книжного магазина 1978 года — Пекин.

частью России не развита из-за больших расстояний, осложнялись поставки товаров первой необходимости для местных жителей. Установление торговых отношений с экономически развитым Китаем помогло бы решить эту проблему. К тому же торговля с Китаем сулила большие прибыли, что стимулировало российское правительство как можно активнее идти навстречу китайской стороне. В этих условиях в 1653 г. в Пекин было направлено посольство Федора Байкова³.

Ранее в столицу уже отправлялись Петр Ярыжкин и Сеиткул Аблин. Благодаря своей учтивости и уважительному отношению к принимающей стороне они добились того, что император Шуньчжи отправил в Россию очередную верительную грамоту и дары. Но по возвращении С. Аблина в Москву этот документ опять не был переведен.

Во время правления императора Канси обострились русско-китайские отношения на Амуре (Хэйлунцзян). Перед лицом русской интервенции Канси обратился к правительству России с благожелательными намерениями провести переговоры, а также с просьбой выдать бежавшего эвенкийского князя Гантимура, имевшего маньчжурское подданство, и вывести русские войска с территории Китая. Попытки наладить взаимоотношения осуществлялись посредством передачи официальной корреспонденции в захваченный русскими Нерчинск.

Зимой 1669 г. император Канси направил обосновавшемуся в Нерчинске Даниле Аршинскому письмо, написанное на маньчжурском языке, которое следовало передать русскому царю⁴. В ответ на это в 1670 г. Д. Аршинский послал к императору дипломатическую миссию во главе с Игнатием Миловановым. Правительство Канси повторно вручило верительную грамоту русскому царю с просьбой выдать Гантимура и прекратить захватнические действия на китайской территории⁵.

Царь не ответил по уже известной причине: никто не мог сделать перевод. Все ранее упомянутые документы полностью были переведены на латинский язык лишь в 1676 г., в период пребывания дипломатической миссии Н. Спафария в Пекине.

---

³ 中国第一历史档案馆：《清代中俄关系档案史料选编》 第一编 上册 第18页 中华书局 1981年 北京。

⁴ 班蒂什·卡缅斯基：《俄中两国外交文献汇编（1619—1792年）》商务印书馆 1982年 北京 第33页。

⁵ 中国第一历史档案馆：《清代中俄关系档案史料选编》 第一编 上册 第21-22页 中华书局 1981年 北京。

2. Маньчжурский, монгольский, русский и латинский языки в русско-китайских отношениях

Обычно прибывавшие в Китай русские посланники для общения с цинскими чиновниками пользовались услугами монголов или купцов из Центральной Азии, которые понимали русский и монгольский языки. Например, в посольстве Ф. Байкова в 1653–1655 гг. был бухарский купец С. Аблин. Перед отправлением делегации из Тобольска Ф. Байков попросил С. Аблина поехать в Пекин и сообщить китайскому двору о прибытии миссии из России. После возвращения С. Аблина в Россию его пути с Ф. Байковым разошлись, но тем не менее в состав делегации, прибывшей в Пекин, по-прежнему входили переводчики из Бухары, они помогали контактировать с цинским правительством⁶. В Пекине Ф. Байков встретился с голландцем, но тот не понимал русского языка, а в делегации не было человека, понимающего латинский, поэтому диалога между ними не получилось. В это время в Пекине проживало много европейцев, как торговцев, так и миссионеров, которые были знакомы с характерными особенностями страны. Латинский язык, как самый распространенный, в известной мере помогал лучше разбираться в китайской действительности. Российское правительство при формировании новой делегации в Китай особо выделяло людей, знавших латинский язык. В 1675 г. в Пекин была направлена миссия Н. Спафария, который владел несколькими языками: греческим, турецким, арабским, латинским и итальянским. К тому же в Нерчинске Н. Спафарий набрал в состав посольства людей, которые понимали как русский, так и монгольский языки⁷.

Таким образом, языками межгосударственного общения России и Китая становятся латинский и монгольский. Н. Спафарий лично от российского царя получил указание добиться взаимопонимания с китайской стороной, а для корреспонденции в будущем использовать латинский и татарский языки⁸. По приезде в Китай Н. Спафарий провел переговоры с Лифаньюанем на латинском языке. В своем письме царю он сообщал: «Что касаето перевода верительных грамот Вашего величества и дру-

⁶ 苏联科学院远东研究所编：《十七世纪俄中关系》第一卷 第三册第833页 北京商务印书馆 1978年。

⁷ 苏联科学院远东研究所编：《十七世纪俄中关系》第一卷 第三册第521页 北京商务印书馆 1978年。

⁸ 班蒂什·卡缅斯基：《俄中两国外交文献汇编（1619—1792年）》商务印书馆 1982年 北京 第41页。

гих документов, представитель Лифаньюаня сообщил мне, что в Пекине проживает много иностранцев, среди которых есть люди, понимающие китайский, русский и другие языки. Еще есть некий астролог, который имеет право посещать императорский дворец, богдыхан к нему благосклонен. Исповедует этот человек христианство. Из разговоров следует, что эти иностранцы – иезуиты... То, что здесь живут столько иезуитов, понимающих китайский язык, – безусловно поможет развитию наших отношений с Китаем»⁹.

В Пекине языком общения Н. Спафария с иезуитским обществом и Лифаньюанем был латинский. Для улучшения и дальнейшего развития русско-китайских отношений Н. Спафарий предложил цинскому правительству 12 условий для ведения переговоров, в том числе использование латыни как языка двустороннего общения. Цинское правительство отреагировало на это так: «В соответствии с вашей просьбой уже проведены необходимые мероприятия»¹⁰.

Китайское правительство стало использовать русских помощников для написания писем царю. В процессе постепенного очищения территорий северо-востока от русских войск цинские войска брали в плен русских людей или заставляли капитулировать некоторые воинские части. Отдельные русские вошли в состав маньчжурского восьмизнаменного войска. Среди них были люди, которые уже получили образование в России, а по прибытии в Китай продолжили обучение, овладевая, в частности, маньчжурским языком. Данное обстоятельство помогло китайскому правительству эффективнее общаться с русским царем и русскими вообще. Помимо маньчжурского и монгольского языков китайцы стали активно использовать русский для перевода писем, донесений, сообщений, чтобы русские интервенты не могли оставаться на территории Китая под предлогом, что не понимают по-китайски и, значит, не могут действовать в соответствии с указаниями китайских властей. После отъезда Н. Спафария из Китая в докладе чиновников Лифаньюаня императору говорилось о том, что неперевоенные документы отправляются на некоторое время в архив. В дальнейшем переводе должен был заниматься один из служащих восьмизнаменного войска, способный переводить тексты с маньчжурского языка на русский.

---

⁹ 约·弗·巴德利:《俄国·蒙古·中国》下卷 第二册 第1419页 北京 商务印书馆 1981年。

¹⁰ 中国第一历史档案馆:《清代中俄关系档案史料选编》第一编 上册 第27页 中华书局 1981年 北京。

Готовясь изгнать русских с территории Хэйлунцзяна, император Канси, прежде чем прибегнуть к силовым методам, решил начать переговоры. Для того чтобы русские поняли смысл донесений императора, при переводе стали использовать латинский язык (помимо русского, маньчжурского и монгольского). Петр Каменский отмечал в своих дневниках, что после повторного занятия в августе 1685 г. русскими Албазина в ноябре того же года цинские войска взяли в плен Якима Иванова и Гришку Фомина. Позже их отпустили в Москву с «шестью письмами от Богдыхана и китайских военачальников российскому правителю и воеводам Албазина и Нерчинска, написанными на латинском, монгольском и русском языках, с идентичным содержанием»¹¹.

В китайских архивах также есть подтверждение этому факту: «Написано на маньчжурском языке, монгольском языке, западном языке (имеется в виду латинский. – *Пер.*), русском языке: если же русские не прекратят беспорядки на границе нашей страны, то мы (правитель Китая. – *Пер.*) желаем начать карательную экспедицию. Мы помним о нашей давней дружбе с Россией, поэтому сердце не позволяет незамедлительно начать экспедицию»¹². В дальнейшем было отправлено немало документов и писем, где предлагалось обсудить ситуацию в Албазине.

3. Выбор латинского как языка межгосударственного общения

Вплоть до подписания Нерчинского договора официальный язык межгосударственного общения Китая и России постоянно менялся: периодически использовался либо латинский, либо монгольский. Перед повторным окружением Албазина и подписанием упомянутого соглашения представитель иезуитской общины от имени цинского правительства направил письмо Н. Спафарию, которое было позже передано с Никифором [Черниговским], прибывшим в Пекин в 1686 г. В письме говорилось: «С этого момента мы будем писать письма на латинском и монгольском языках, в дальнейшем русский язык не будет использоваться, ваша страна также должна использовать только два языка при написании сообщений»¹³.

---

¹¹ 班蒂什·卡缪斯基: 《俄中两国外交文献汇编(1619—1792年)》商务印书馆 1982年 北京 第58页。

¹² 中国第一历史档案馆: 《清代中俄关系档案史料选编》 第一编 上册 第60页 中华书局 1981年 北京。

¹³ 约·弗·巴德利: 《俄国·蒙古·中国》 下卷 第二册 第1618页 商务印书馆 1981年 北京。

Во время переговоров делегаций в Нерчинске русская сторона, подготовив переводчика с монгольского языка (за неимением переводчика с маньчжурского), также выдвинула предложение сделать монгольский язык официальным языком переговоров, с чем китайская сторона в итоге не согласилась. Китайская сторона за неимением квалифицированного переводчика с русского языка официальным языком переговоров предложила выбрать маньчжурский, что, в свою очередь, вызвало сопротивление русской стороны. В итоге обе стороны решили использовать латинский язык в качестве официального языка переговоров, но секретно все равно использовали монгольский. Со стороны Китая переводчиками выступали иезуиты Сюй Жишэн и Чжан Чэндань (видимо, имеются в виду испанец Перейро и француз Жербильтон. – *Пер.*), с русской же – учитель латинского языка, посол Ф. Головин.

Переговоры закончились подписанием Нерчинского договора в трех экземплярах: на маньчжурском, русском и латинском языках. Более того, именно эти три языка стали официальными языками документации. В то же время в печати использовались только латинские буквы, т. е. с этого момента можно считать, что латинский язык становится официальным языком межгосударственного общения России и Китая.

Окончательно же латинский язык в качестве официального был утвержден в 1695 г. с приездом в Китай русского посланника И. Идеса. Причина в том, что китайская сторона «испытывала сложности при написании документов на русском языке», поэтому русской стороне следовало «использовать латинский для двусторонних переговоров». «В ходе переговоров в Нерчинске взаимный обмен предложениями был осложнен использованием маньчжурского и монгольского языков, для китайской же стороны русский, как язык документации, был неприемлем»¹⁴.

Для подготовки квалифицированных переводчиков в Россия, и Китай основывают институты иностранных языков. В обеих странах ни латинский, ни монгольский не являлись государственными языками. Языковой барьер пока так и не был окончательно преодолен. Цинское правительство высоко ценило работу иезуитов и часто использовало их как посредников в переводе, но тем не менее знающих людей было немного. Для русской стороны работа иезуитов-переводчиков была невыгодна, потому что секретная информация о ходе русско-китайских переговоров, об установлении отношений между двумя государствам попадала в руки

---

¹⁴ 葛斯頓·加恩: 《彼得大帝时期的俄中关系》商务印书馆 1980年 北京 第72页。

европейских государств. После подписания Нерчинского договора стали быстро развиваться и торговые отношения, что потребовало наличия квалифицированных переводчиков с маньчжурского и китайского языков. Подготовка профессиональных кадров стала важнейшей задачей в политике России и Китая.

В 1721 г. Л. Измайлов после посещения Пекина обратился с просьбой к настоятелю Иркутского монастыря Бураковскому отправиться в Китай для «изучения китайского и маньчжурского языков, следуя примеру монахов-иезуитов»¹⁵.

Только в 1726 г. Россия открыла в Иркутске первый Институт монгольского языка. Из местного монгольского населения были выбраны 25 человек для обучения маньчжурскому языку. Три года деятельности института не принесли больших результатов; постоянно не хватало денег, и в итоге обучение в институте было приостановлено. Китайское правительство, желая превзойти русских, ещё в 1708 г. основало специальное ведомство по изучению русского языка. Для этого из состава восьмизнаменного войска были выбраны 24 обучающихся и наняты несколько преподавателей из России.

Тем не менее ни Россия, ни Китай не достигли особых успехов в подготовке квалифицированных переводчиков. Во время подписания Кяхтинского договора в 1728 г. у Китая не было переводчиков, свободно говорящих на русском и латинском языках. Хотя с момента визита Н. Спафария в Китай прошло уже больше полувека, во время взаимной передачи текстов договора китайский чиновник выразил беспокойство: «У нас нет хороших переводчиков, мы не знаем, насколько полно содержание соответствует договоренностям, поэтому не получили императорское повеление и, соответственно, не можем совершить обмен текстами»¹⁶. В итоге текст русского договора был направлен в Пекин на проверку, и лишь через 40 дней стороны смогли возобновить взаимную передачу текстов. Для России было характерно следующее: воспитать переводчиков оказалось возможным лишь в рамках деятельности русских духовных миссий. В конце концов, именно из числа религиозных деятелей сформировалась группа людей, занимавшихся изучением Китая и китайского языка, весьма обособленная группа синологов.

---

¹⁵ 葛斯顿·加恩:《彼得大帝时期的俄中关系》商务印书馆 1980年 北京 第72页。

¹⁶ 班蒂什·卡缅斯基:《俄中两国外交文献汇编(1619—1792年)》商务印书馆 1982年 北京 第177页。

В начале правления династии Цин китайский язык не являлся официальным языком документов, и даже в столь важном Нерчинском договоре не было текста на этом языке. Только в период окончательного установления границ с Россией на пограничных табличках стали использовать китайский и монгольский языки наравне с латинским, маньчжурским и русским. Русские в языковом отношении первоначально столкнулись с маньчжурским и монгольским языками, соответственно сначала они соприкоснулись с культурой маньчжуров и монголов. Данное обстоятельство, во-первых, повлияло на то, что русские лишь косвенно узнали о конфуцианстве как о главном явлении китайской культуры. В течение долгого времени это морально-этическое учение практически было неизвестно в России. Во-вторых, правитель во всех документах именовался богдыханом, а не императором Китая, как того требовала китайская традиция. В начальный период правления династии Цин русским требовалось еще много времени, чтобы узнать об особенностях Китая, его традициях и культуре, а изучение маньчжурского и китайского языков становилось главной задачей в познании соседней страны.